

Светлана Балувевская

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПРИЧИТАНИЙ В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ СУХОНЫ

Бассейн среднего течения реки Сухоны охватывает восточную часть Вологодской области: Тотемский, Бабушкинский, Тарногский, Нюксенский районы. Эта зона определяется современными исследователями как «одна из ключевых территорий, где опознавательные признаки вологодских фольклорных традиций проявляются во всей своей полноте и характерности» [7, 1–1, 13].

Народная музыкальная культура среднесухонского ареала является объектом внимания собирателей с конца XIX века. В 1893 году по заданию Песенной комиссии Императорского Русского географического общества Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов записывают народные песни в трех северных губерниях, в том числе Вологодской. Итогом поездки становится издание сборника «Песни русского народа», включающего, среди прочих, наиболее значимые по мнению составителей образцы фольклора Средней Сухоны [9].

Экспедиционная деятельность заметно активизируется во второй половине XX века. В 1967–1976 годах работу по сбору фольклорно-этнографических сведений в восточных районах Вологодской области осуществляют представители Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных (ныне — Российская академия музыки им. Гнесиных). Зафиксированные материалы по плачевой культуре междуречья Сухоны и Юга и верховьев Кокшеньги составляют основу текстологического исследования Б. Б. Ефименковой «Севернорусская причеть» [4].

В это же время (1970–1975) территории Тотемского, Тарногского и Нюксенского районов обследуются коллективом преподавателей и студентов Ленинградской (ныне — Санкт-Петербургской) государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. По следам экспедиций издается сборник «Народные песни Вологодской области. Песни средней Сухоны», составитель — А. М. Мехнецов [8].

С 1981 года и по настоящее время планомерную деятельность по фиксации фольклорно-этнографических материалов Вологодского края осуществляет Центр традиционной народной культуры (ранее — Лаборатория народного музыкального творчества) Вологодского государственного педагогического университета (научный руководитель — канд. иск., заслуженный работник культуры РФ Г. П. Парадовская). В районы Средней Сухоны состоялось свыше 30 экспедиционных выездов, организованных Педагогическим университетом. Полевые исследования 1987 и 1989 годов проводились совместно с Ленинградской государственной консерваторией (научный руководитель — канд. иск., профессор, заслуженный деятель искусств России А. М. Мехнецов). Результаты деятельности нашли воплощение в коллективном документальном издании «Народная традиционная культура Вологодской области. Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны» [7].

В названных выше публикациях содержатся материалы, отражающие жанровую, диалектную и историко-стилевую специфику музыкальных явлений среднесухонской традиции. Тем не менее, актуальность комплексного изучения художественных форм в системе обрядов семейно-бытового цикла данной локальной зоны сохраняется и на сегодняшний день.

В настоящей статье рассматриваются функции похоронно-поминальных причитаний в традиции Средней Сухоны на материале фольклорных экспедиций Вологодского государственного педагогического университета в Нюксенский район Вологодской области¹.

Причитания, являясь одним из значимых жанров фольклора Вологодчины, занимают ведущее место в обрядах, направленных на отчуждение представителя родового коллектива и общины, обусловленное его переходом в иной статус. В причетной сфере похоронно-поминального комплекса воплощаются устойчивые представления о жизни и смерти, об умерших, о нормах и правилах взаимодействия с ними.

Похоронно-поминальные причитания на художественно-функциональном уровне маркируют значимость каждого момента в системе обрядности. Как отмечает А. М. Мехнецов, «в текстах причитаний складывается идеальная (воображаемая) форма происходящего, устанавливаются, подтверждаются нормы обязательных взаимных отношений мира живых и душ усопших» [6, 103].

В похоронном обряде среднесухонской традиции причитания исполняются:

- после обмывания, обряжения и укладывания покойного;
- в период пребывания его в доме (в том числе во время посещения умершего родственниками и представителями деревенской общины);
- в ритуалах похоронного дня (при укладывании тела умершего в гроб, прощании в доме, выносе гроба, по дороге на кладбище, при прощании и захоронении).

¹ О бытовании причитаний в системе похоронно-поминальной обрядности среднесухонской традиции см. также в: [1; 2].

Поминальные причитания функционируют как в дни собственно поминок усопшего (третий, девятый, двадцатый, сороковой, годовщина смерти), так и в общие календарные поминки (родительские субботы, престольные праздники и др.)². Особенностью среднесухонской традиции является обычай причитать при поминании на следующий день после похорон, когда умершему «завтрак / обед носят»: «Вот обед носят на́завтрее, вот то́жэ причитают. С обедом-то как при́дут, дак и причитают» (Востровский, Леваш, 1842–15)³. Также принято причитать во время посещения кладбища после еженедельной воскресной церковной службы: «Раньше как из це́ркви вы́йдут (было у нас, этот, не так далёко кла́дбишшэ-то), а как вы́йдут, дак на всех-то могилах при́читают, на всех!» (Нюксеница, 2433–18).

Однако бытует запрет на причитание в Радоницу («Ра́довальницу», «Ра́дованицу», «Ра́дованницу»), так как, согласно народным верованиям, в этот праздник покойники «ра́дуются»: «И вот тепе́рь в Ра́довальницу хожу одна, хожу на моги́ўку, неко́ўда не при́читают — не ве́лят при́читать. Вот, э́во, говорят, не надо при́читать — это (й)и́хний праздник, дак при́читать не на́дэ, у (й)и́х праздник тамо́ка дак» (Востровский, Леваш, 1842–14).

Кладбище в среднесухонской традиции именуется «бу́ево» («святое бу́ево», «широ́коё бу́ево»)⁴ и определяется народными исполнителями как место пребывания умерших. Из воспоминаний Паневой Великони́ды Васильевны, 1925 года рождения, уроженки деревни Сергиевская Раменского сельсовета Тарногского района Вологодской области: «У нас прошлый год напивсе́ мне-ка бу́дёт сват и оста́вся [на кладбище]. В о́діннацет-то часов, двенна́дцетой-от стал час, э́во из кла́дбишша-то (он напивсе́, да там спит), дак э́во го́нйт: “Ты не наш, убира́йсе! Ты не наш, убира́йсе!” <...> Яви́лисе покойники, э́во погоня́ли: “Убира́йсе! Это не твоё место — убира́йсе, убира́йсе домой! Это на́ше место!” Дак он на второй день ходил за шапкой-то (без шапки убежал)» (Брусноволовский, Низовки, 2018–16).

Народные представления о принадлежности кладбища умершим находят яркое выражение в причетных текстах. Например, приближаясь к кладбищу, участники похоронной процессии обращаются к ранее умершим родственникам с просьбой встретить вновь прибывшего покойного:

«Когда везут, дак ма́л⁵ ли там хто похоронен (там или брат, или та́мо свёкор, или свекровь), дак вот и при́читают:

“Ты встре́яй-ко, су-мамушка ли, папонька ли,
Свою не́вёстоньку (ли хто, ково́ ли, брата ли)... <...>
Ты встре́яй-ко, су-мамушка,
К тебе едет в това́риши,
К тебе едет своя ро́дная (там сестра или брат, или хто там)”»

(Брусенский, Монастыриха, 429–27, 29).

² Подробнее о поминальных причитаниях рассматриваемой традиции см.: [1, 23–26].

³ Здесь и далее в скобках указывается место записи информации на территории Нюксенского района Вологодской области (сельский совет, деревня), а также номер единицы хранения по аудиофонду фольклорно-этнографических материалов Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. Все диалектные расшифровки выполнены автором статьи.

⁴ «Бу́ево» — «погост, место, где стоит церковь (обычно на возвышенности), место внутри ограды церковной; кладбище, могилки, могильник». См. слово «буйный» в [3, I, 138].

⁵ Вертикальный штрих возле буквы «л» обозначает более мягкое произношение, близкое тому, что существует в ряде западноевропейских языков.

При опускании гроба в могилу к покойному обращаются с просьбой передать «челобитье великое» умершим родителям:

«Ой, да передай-ко ты, л'адушка,
Ты цел'обит'ё велькоё
Моёй родимой-то мамушке,
Да моёй богоданной-то матушке»

(Нюксеница, 1321–28);

«Ой, тош(и)нёшенько, да ты скажи-ко там(ы), сёстриця,
Ой, тош(и)нёшенько, да ты родимой-то мамушке,
Ой, тош(и)нёшенько, да про моё-то житьё-бытьё»

(Брусенский, Брусенец, 413–01);

«Наказывал'а своему сыну, што:
“Передай-ко там, Вол'оденька (Вол'одей звали),
Моему серьдечному дитятку
Как я живу здесь, скитаюся...”»

(Брусенский, Монастыриха, 429–34).

При поминании («когда вот я иду помянуть и дома поминаю») передают поклоны «честным родителям» не только в причетной, но и в прозаической форме: «Ну, давай, передавай поклёнычик там всем, всем цёсным родителям!» (Уфтыгский, Ивановская, 2256–20).

Любое адресное исполнение причитаний воспринимается как акт взаимодействия с представителями «иного» мира. Обращаться к умершим — значит «трясти их», то есть тревожить: «А вот уж после обеда не надо (й)их тресті, не надо помянуть, поминают только до обеда» (Востровский, Леваш, 1834–25). Так, причитая по просьбе участников экспедиции, исполнительница проговорила: «тряхну мужика-то» — и обратилась к нему в причете:

«Ой, да ты оставил...
Михайлушко да зётюшко,
Ой, да ты на муку, на маёту,
Ой, да ты свою-ту невестушку...»

(Востровский, Копылово, 1400–24).

В среде деревенских жителей бытует мнение, что если умерших потревожить не вовремя, им «тяжело там [на том свете] будет» (Нюксеница, 1373–19), поэтому, причитая в неподобающее время, высказывают опасения: «Ой, наворожим ишшо покойника-то» (Бобровский, Бобровское, 1838–20).

Таким образом, в традиции строго регламентируется место и время художественно-обрядовой коммуникации с усопшими. Причитания при этом выполняют значимые ритуально-магические, обрядово-коммуникативные, регулятивные, апотропеические и другие функции.

Исполнителями причитаний Средней Сухоны являются женщины — родственницы, знакомые, а также приглашенные причитальщицы. Родные и близкие (мать, жена, сестра, дочь, крестная, тетка и др.) обращаются к умершему сообразно степени близости семейно-родовых отношений: «родимой мой батюшко» / «моя родимая мамушка»; «родимой мой брателко» / «родимая ты моя сёстриця», «двоюрóдная сёстриця»; «моя милая ладушка», «моё серьдечное дитятко»,

«мой желáнной-от зéтюшко», «любима племéнница», «моя снóшенька», «моя свáтьюшка» и т. п.

Знакомые и соседи, представители общины, прощаясь с покойным, также причитают [1, 19]. При этом к покойному обращаются в соответствии с установившимися в общине отношениями: «любáя подруженька», «бл́жная моя сусéдушка» и др.

В среднесухонской традиции бытует мнение, что причитать по умершему надо «умеючи», «складно», в связи с чем для такого ответственного дела специально могли приглашать опытных причитальщиц: «Ну, плакать-то плакала, но прицита́ть я не прицита́ла, потому што прицита́ть на́дэ то́жэ уми́ючи. А лю́дям на́ страм — это то́жэ худо, это то́жэ худо. Прицита́ть на́дэ складно ведь. Складно! <...> Вишь, она прицита́ёт не то́ко сама по своему горю, а просто вот, хто по́мер, её попросят. Вот она ходит, её просят, она и всё прицита́ет. Вот уж она всё вы́скажéт. <...> Да вот опéть уже я за Симку. Уж хто лучше Симки прицита́у, не знаю, Олексáндра, не знаю, она всем на ужас, всем на за́видос[т]ь» (Бобровский, Бобровское, 1839–05).

Традиционным для похоронно-поминальной обрядности Средней Сухоны является одновременное исполнение причитаний несколькими причитальщицами, при этом каждая участница «высказывает своё горе». Максимальную акустическую насыщенность звуковое поле получает в кульминационные моменты обряда — вынос гроба, путь на кладбище, погребение: «Из избы-то как стали выносить-то, дак сильно-сильно прицита́ли! Все уж тут хто цёво́ — все ре́вѝли, уж сильно прицита́ли. А потом вынесли, дак вот до са́мово кля́дби́шша, я всё проревéла, всё проприцита́ла — всё, всё, всё! И тётка прицита́ла, и я прицита́ла до са́мово кля́дби́шша» (Бобровский, Бобровское, 465–12); «Старухите ведь причитали и в три, да и в чéтыре голоса — хто чёво́ мо́жéт сказать, а тут не розберёшь» (Бруноволовский, Кокуево, 454–09); «Когда везут дак, конечно, уж тут-то все, все ре́вѝт — тут все, все-все, все-все! И каждый своё, каждый своё, каждый своё го́рѝ выкла́дываёт» (Нюксеница, 472–22).

При поминовении на кладбище также могли одновременно причитать несколько человек: «Мы пришли на кля́дби́шшэ-то, да со свекровкой, да свекровка с ту сторону на крёст, а я с другую сторону, дак и заревели. Взóха́ла да заревéла, да и заревéла, са́мо по себе оно тут насобираётце цёво́ ре́вѝт-то в горе-то» (Уфтыгский, Кокшенская, 1422–32). Асинхронное множественное исполнение причитаний (всеобщий плач) на кладбище представляет собой акт создания единого коллективного звукового ритуально-коммуникативного поля (общинной художественной коммуникации с умершими) на всем обрядовом пространстве.

При этом деревенские жители указывают на персональный характер выражения «своего горя» в причитании: «Ведь ка́ждой своё го́рѝ выпла́кываэ́т. Одново́ ведь причита́нья нет, это не песня, што вот какую зна́эш, дак споёшь. Причита́ньѝ у всех разнóе. <...> Так што я вот так пела, а вот Катя тот раз причита́ла совсем дру́гомѝ, у её своё го́рѝ, она свои слова. Это же не песня» (Уфтыгский, Ивановская, 2256–06). «А вот просто своё горе, свою пѝсьню выкла́дываэшь: тут как живёшь, и всё вот, как за ей уха́жива́ла, как цёво́ былó раньше — это всё-всё вы́скажéшь, это зна́эш, всё так цёво́» (Бобровский, Бобровское, 465–12). «Напоминает-то ведь у ка́ждово своё го́рѝ, дак он своё выкла́дываёт. А тут уж и не то што уж одно и то́жэ, у ка́ждово своё горе» (Нюксеница, 1373–17).

Следует выделить психотерапевтическую функцию причитаний — народные исполнители отмечают улучшение состояния после «высказывания своего

горя»: «Это горё своё высказывают, причитают и высказывают своё горё. Вот, ну. И как-то попричитают, дак как ровно легче станóвитца» (Нюксеница, 2024–05). «Так што вот жалеешь, дак просто легче душе, как ты выскажешь это всё ему. Это уж из веки веков это вот причёты-те бывают» (Востровский, Леваш, 1841–29).

В необходимости посредством причитаний разжалобить («росклевить»⁶) всех присутствующих и тем самым вызвать всеобщий плач по умершему выражается значимая социально-обрядовая функция: «Я ста́ла причитáть-то, матка-то ие селá ко мне тут, дак я причитáю, да говорю:

“Твои мѣл’ые-те невестушки,
Дак онѣ бы́ютце, онѣ убивáютце,
Да онѣ слѣзám умывáютце...”

А онѣ там слѣзám умывáютце, пекут шаньги. Лиза-та (Лизой-то, нашто, матку-то и зовут Тамары-то) пришлá да говорит: “Васѣльевна, — говорит, — бѣдѣт ревѣть-то, девок-то, — говорит, — росклевлá”» (Уфтыгский, Лесютино, 445–02). «А потому што, если запричитáют, дак все ревут. Слóва-те выговаривают, дак все ревут. <...> Как тóко заревѣт, так все заревут, все слезám умывáютця. Это прос-то так, што как-то все, што все жалѣют вроде её все» (Востровский, Вострое, 1638–24).

По народным представлениям, причитание вызывает единое обрядовое состояние у всех присутствующих, при котором слезы «передаются» от одного человека к другому: «А кабы одна заревѣла, которая запричитáла, дак у всех слѣзы покатылися. Онѣ просто слѣзы-те передаютца к другóму-ту цѣлóвѣку, думает ведь: “И до меня до этово дойдѣт”. Понимаете ведь это, скажет: “И до меня до этово дойдѣт — ой, я об ёй реву!” Дак вот другóво-то и вызывáет этем. Она, раз запричитáли, дак у её слѣзы-те бежáт уж, эвоно, сами, тем говорит ведь: “До меня дойдѣт ведь это скоро. Обо мне заревут ли, нет?!” У меня и говорит: “Ой, девка, девка! Я умру, дак ты и может и не попричитáешь?” — “Мама, попричитáю!” А как запричитáешь, дак и все и заревут. И правда ведь: больше уж она пошлá и не вернѣтця! Потом больше как-то у цѣлóвѣка-то цю́[в]ства-те бывают, што цѣлóвѣк-от пошѣу на тот свет, цю́ешь, больше ево не бѣдѣт, и не увидишь, и сó[л]нцѣ не согрѣет, вот, тóко земля бѣдѣт грить, а больше никто» (Востровский, Вострое, 1638–28).

Причитание и всеобщий плач на похоронах является признаком правильного, нормативного проведения обряда: «Как она запричитáет, тóко бы одна гѣнула — все в слѣзы. <...> Да все как в голос, вся-та деревня как заревѣли дак. <...> Это хорошо, коўдá поревут. А вот так это: “Ой, да у её нехтó не ревѣт!” — это плохо. “Нехтó, — говорят, — и не прослезѣе”. А это што, вот так помóршатыце, поревут? Это не рѣв, это нáдэ с прицѣтом» (Бобровский, Бобровское, 1839–05).

Все сольные причитания в кульминационные моменты обрядности сопровождаются особой ритуальной формой поведения (падение ничком), определяемой в среднесухонской традиции как «хлестание», «хлóпанье»⁷: «Вот я и запричитáла, ты знаешь, пришлá да и хлóпнула’сь» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632–05); «А это всё я ходѣла на могѣлу цѣлóй год. Эвóт этта и могѣла-та у цѣрквы. Вот. А у нас шес[т]ь километров до нашѣй-то деревни. Я вот всё хлѣстáлась и всё и причитáла цѣлóй год» (Городищенский, Городишна,

⁶ «Росклевить» — «расстроить до слез». «Клевѣть» — «дразнить до слез». См. слово «кле-вить» в: [3, II, 115].

⁷ Подробнее об этом см.: [1, 27–28].

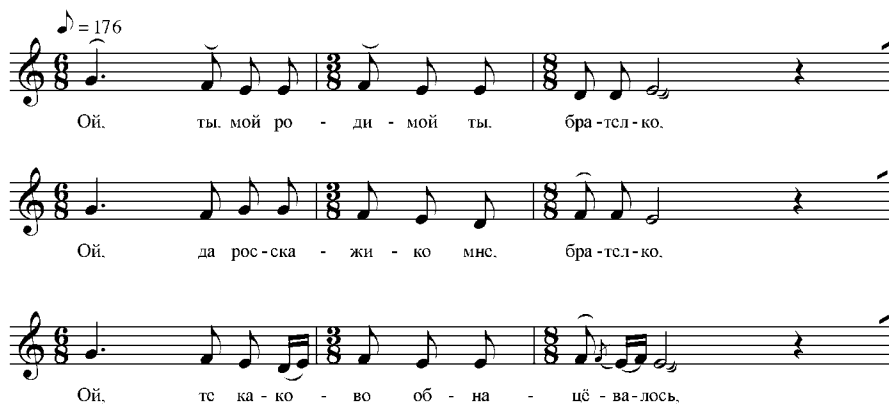
418–06). «Вот как то́жо две сестры хл’опалисе, да онé и в ростяжку-то эдак, не на коленки, а в ростяжку-ту хл’опнутце вдоль-ту по́ пол’у — прицита́ли-то. Ой, мы едва их по́дняли!» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632–06).

Таким образом, на акционально-изобразительном уровне утверждаются нормы почтительного отношения к умершим, чье покровительство необходимо для обеспечения последующего благополучия живых.

Обрядовые формы плача в народной терминологии Средней Сухоны определяются как «причитание» и «рёв», встречаются номинации «выть» и «мурявкать» [1, 31]. Напев похоронно-поминальных причитаний местные жители именуют «мотивом» или «голосом»: «покойничный голос» (Нюксеница, 472–21); «голос слезливой» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1642–02); «жа́л’обный» голос (Бобровский, Бобровское, 1839–05); «небаско́й голос» (Востровский, Вострое, 1638–33); «стра́шный мотив» (Бобровский, Бобровское, 1838–20). По убеждениям народных исполнителей, причитать надо «пылко», «громко», «во всю голову».

Значимым структурно-семантическим элементом причетных форм является возглас, который определяется современными исследователями «как коммуникативное явление, рассчитанное на непосредственное восприятие и реакцию окружающих и выполняющее функцию магического воздействия с целью достижения желаемого результата» [5, 315]. В среднесухонской традиции возглас имеет стабильное начальное местоположение в структуре мелостроки похоронно-поминальных причитаний и представлен следующими разновидностями: однослоговой («Ой!»), двуслоговой («Ой, да!» или «Да ой!»), пятислоговой («Охти, мнеченьки!», «Ой, тошнёшенько»).

1

Поминальный причет⁸

⁸ Материалы архива Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. № ЭАФ 1642–02. Исп.: Коптяева О. Д., 1919 г. р., родом из д. Большая Сельменьга. Запись в д. Малая Сельменьга Дмитриевского сельсовета Нюксенского района Вологодской области, 17.03.1998. Зап.: Парадовская Г. П., Комягина О. Н. Нотация: Брагина М. С.

Ой, тош-нё... шень-ко, ты, си - за - я го - лу - буш-ка.

Ой, тош - нё-шень-ко, ты, ро - ди - ма - я ма - муш-ка.

Ой, тош-нё-шень-ко, ты ку - да на-ре - ди - ла - се?

Ой, тош-нё-шень-ко, во ко - то - ру - ю сто - ро-ну?

Ой, тош-нё-шень-ко, ты ос - та - ви - ла, ма - муш-ка.

Ой, тош-нё-шень-ко, ты се-р(и) - деч - ных - то ди - тя-ток.

Семантическое значение пятисложного возгласа «ой, тошнёшенько» раскрывается исполнителями следующим образом: «Вот это такие причёты таким мотивом, а всё приговаривают “тошнёшенько”. Это тошнёшенько — тоска. Тоска. Сына похоронит, дак ведь матери не весельё, а тоска, дак “тошнёшенько” причитают» (Нюксеница, 2024–04).

⁹ Материалы архива Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. №ЭАФ 472–21. Исп.: Шушкова Г. П., 1914 г. р., родом из д. Порошин Двор Юшковского сельсовета. Запись в с. Нюксеница Нюксенского района Вологодской области, 18.07.1988. Зап.: Парадовская Г. П., Кулсв А. В., Шалашов А. В. Нотация: Парадовская И. В.

По народным представлениям, причитать живых «заставляет» незримое присутствие умерших в обрядовой ситуации: «Это покойники, вот пока онé уж чувствуют, дак онé и заставляют, штóбы попричитали о них» (Нюксеница, 1373–19); «онé пока тут, дак онé слышат, слышат онé» (Востровский, Леваш, 1841–29); «ужё я умру, дак послушаю, как обо мне запричитают» (Нюксеница, 1376–29).

В среде деревенских жителей бытует поговорка: «Покойник не говорит, а у ворот стоит» (Бобровский, Матвеево, 1413–20), а значит, требует художественно-обрядовой коммуникации. Необходимость поминовения умерших представлена в следующих высказываниях народных исполнителей: «[вопрос: “А зачем поминать надо?”] — На душе бўдёт полёгце, да и всё. Онé — не помёнёшь, онé как вроде ждут, во сне станут приснítыце, вот уж онé уж перед этим как во сне уж станут» (Бобровский, Бобровское, 1839–10); «Если уж силы нет(ы) сходить на кладбишнё, дак хоть дома да помяни — это уж положёно, Господом Богом при́дано, и покойником то́жё са́моё» (Бобровский, Матвеево, 1413–20).

В целом, плачевая традиция на территории Средней Сухоны в контексте свадебной и рекрутской обрядности в наши дни практически утратила бытование, однако причитания в системе похоронно-поминального комплекса сохраняют свое функциональное значение, в связи с устойчивостью представлений о нормах и правилах взаимных отношений мира живых с миром умерших.

*Статья выполнена в рамках гранта
«Федеральная целевая программа
“Научные и научно-педагогические кадры
инновационной России” на 2009–2013 годы»,
номер лота 2012–1.2.2–12–000–3004–4292.*

Использованная литература

1. *Балуевская С. В.* Похоронно-поминальные причитания в уфтыогской традиции Нюксенского района Вологодской области // Отечественная этномузыкалогия: история науки, методы исследования, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербургская гос. консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, 30 сентября — 3 октября 2010 г.). СПб.: Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011. Т. II. С. 18–36.
2. *Балуевская С. В.* «Свое» и «иное» в похоронно-поминальных причитаниях Нюксенского района Вологодской области // Рябининские чтения — 2011. Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 213–216.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык., 1998. 700, 780, 556, 684 с.
4. *Ефименкова Б. Б.* Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М.: Советский композитор, 1980. 392 с., нот.
5. *Королькова И. В.* Возглас в причитаниях: структурный и семантический аспекты // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. Материалы международной научной конференции. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 315–320.
6. *Мехнецов А. М.* Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности (поминальные, «урочные» дни) — по результатам экспедиций 1999–2000 г. в Вологодскую и Смоленскую области // Традиционная народная культура и современность. Материалы научно-практической конференции (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.). Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 96–106.
7. Народная традиционная культура Вологодской области. Т. I: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / сост., науч. ред. А. М. Мехнецов; Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2005. 416 с., ил., нот. Ч. 2: Народные верования, сказки, необрядовый фольклор / сост., науч. ред. Г. В. Лобкова. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2009. 286 с., ил., нот.
8. Народные песни Вологодской области (по материалам студенческих фольклорных экспедиций). Песни средней Сухоны / сост. А. М. Мехнецов. Л.: Советский композитор, 1981. 135 с.: нот.
9. Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. / записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб: Изд. Русского географического общества, 1899. XIX, 279 с.: нот.